

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук Екатерины Евгеньевны ДМИТРИЕВОЙ
о диссертации Игоря Анатольевича СТАНИЧУКА «ФЕНОМЕН НОЧИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ», представленной на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 –
русская литература.

Диссертация И.А. Станичука «Феномен ночи в творчестве Н.В. Гоголя» посвящена исследованию проблемы, актуальность которой не вызывает сомнений. Это предопределено необходимостью заново, с позиций современного литературоведения осмыслить место и роль образа ночи в художественном и публицистическом наследии Н.В. Гоголя.

На самом деле, хотя сам автор, определяя цель и задачи исследования, говорит в основном о «феномене ночи», «образе ночи», в своих размышлениях и наблюдениях над поэтикой Гоголя он идет гораздо дальше, показывая, как ночь становится у писателя одновременно топосом и хронотопом повествования, онтологической его составляющей.

Как ни сложно в это поверить, действительно, до сих пор ни в российском, ни в зарубежном гоголеведении обобщающего труда на эту тему мы не находим. И это при том, что, как на это указывает и сам И.А. Станичук, ночь «как метафизический, онтологический, философско-психологический, художественный феномен в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей» (ср. коллективные труды «От заката до рассвета: Ночь как культурологический феномен». СПб., 2005г., «Ночь: Ритуалы, искусство, развлечения. Глубины темноты». М., 2009 г., «Ночь: закономерности, ритуалы, искусство». М.; СПб., 2012 г., также упомянутые в диссертации).

Смежным с темой ночи предметом исследования, который во многом определяет и его общее содержание, оказывается романтизм, причем как русский, так и западный, для которого ночь, действительно, является одним из излюбленных и значимых образов, определяющих жизнь, философию, эстетику его представителей.

В определенном смысле можно сказать, что диссертация построена в соответствии с хронологической логикой. Хотя, по мере прочтения, начинаешь понимать, что хронология как раз-то и не является определяющей. Первая глава диссертации, по сути вводная, посвящена особенностям романтического восприятия ночи, что позволяет очертить определенный контекст для последующего исследования, а также поставить в дальнейшем в соответствующий контекст и сами ночные образы Гоголя. Вторая глава, посвященная образам ночи в раннем творчестве Гоголя, охватывает так называемый романтический фазис его творчества: это и «Ганц Кюхельгартен», и «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которых проявляются одновременно две ипостаси ночи: ночь как проявление божественного, и ночь как проявление демонического начала. Далее, в четвертом параграфе, неожиданно, и, как мне представляется, очень удачно сближаются два текста, традиционно рассматриваемые как вряд ли имеющие между собой нечто общее – «Ночи на вилле» и «Тарас Бульба». Поводом для их сближения становится трактовка ночи как времени, приоткрывающего другую сторону событий и чувств человеческой жизни.

Последний раздел второй главы посвящен «ночной теме» в повести «Вий».

Так же нетривиально сближены в главе третьей «Семантика и поэтика городской ночи» так называемые «Петербургские повести» и «Мертвые души», в которых ночь предстает одновременно как «мертвое пространство» (раздел «Пространство «мертвых душ»») и пространство «перед рассветом», рифмуясь внутренне, но уже в иной и сюжетной и идейной перспективе, с божественной и дьявольской ипостасью ночи, явленной в «Вечерах».

Что касается последней, четвертой главы, названной автором «Тьма и свет. Ночь как духовная категория», то, будучи построена формально на анализе преимущественно «Выбранных мест из переписки с друзьями», глава эта подводит итог не только самому исследованию, но также и той эволюции, которую прошел Гоголь. Эволюция же эта, по мысли И.А. Станичука, заключалась в том, что ночь, из состояния по отношению к человеку внешнего, интериоризировалась, получив новую семантику и став соотнесенной с внутренним пространством человека, с состоянием его души («... почти у всякого ночь и тьма кругом»). Выход же из духовной тьмы, которую символизирует ночь, Гоголь увидел в истинах христианства.

Это и подводит И.А. Станичука к тому, кажется, основному выводу, который он делает из проведенного исследования: «Динамика образа ночи, начавшись в общеромантическом русле, в позднем творчестве приводит Гоголя к утверждению православных ценностей».

Если попытаться определить основное достоинство диссертации и, соответственно, научного стиля И.А. Станичука, то это – умение мыслить аналогиями, столь ценными и Гете, и немецкими романтиками, о которых в диссертации так часто идет речь. Последнее очень расширяет область исследования, в семантическое поле которого втягиваются такие антитетичные понятия, как свет, рассвет, освещение – тьма, зло; безобразие-красота, хаос-космос, любовь, сон и многие другие. «Ночной человек» Гоголя становится контекстуально понятнее, будучи сближен в диссертации не только с «ночным человеком» Н. Мельгунова («Путевые очерки»), но также и с двумя мировоззренческими типами, уже значительно позднее обозначенными Гастоном Башляром как рациональный «человек дня» и его антипод «человек ночи». «Ночные виденья» Луизы в поэме «Ганц Кюхельгартен» раскрываются по-новому, будучи прочитаны, как это предлагает И.А. Станичук, сквозь призму «Сетований прекрасной Магелоны» из сказочной новеллы Людвиг Тика «Любовная история прекрасной Магелоны и графа Петера Прованского» (1797). Ключом к гоголевской «Жизни» оказывается 5-й гимн из «Гимнов к ночи» Новалиса. А новый свет на загадку поражения Хомы Брута в «Вие» проливают, оказывается, глубочайшие слова Ницше: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». И т.д.

Особенно удачными и перспективными представляются мне размышления И.А. Станичука о роли «ночного освещения» в развертывании Гоголем метафоры ночи, сопровождаемые тонким семантико-стилевым анализом и подводящие к теме гоголевского «прозренья великих тайн божьего создания».

И поскольку автор позволяет себе мыслить аналогиями и сопоставлениями, то мне хотелось бы добавить ко всему сказанному и следующие соображения:

1) Когда И.А. Станичук говорит о гоголевской ночи в «Вечерах» не как о разверзнувшемся изначально хаосе, но как о волшебстве и сказке, где «человек не обособлен от жизни ночи, но находится в теснейшем соприкосновении со всеми населяющими ее необычайными формами», то здесь впору было бы вспомнить и «родную ночь» (как и «родной лес») раннего Людвиг Тика, во всяком случае, его романа «Странствия Франца Штернбальда». Об этом подробно писал, в частности, Ф.П. Федоров, чья книга «Художественный мир немецкого романтизма» включена, на самом деле, в библиографический список, прилагаемый к диссертации.

2) Еще одно соображение, но несколько иного плана. По поводу страшного колдуна из «Страшной мести» И.А. Станичук пишет: «Евангелие оставляет за любым грешником возможность спасения и изменения его конечной участи, но в контексте протестантской идеи о предопределении, которой здесь руководствуется Гоголь, для колдуна такой исход исключается. <...> Зло примыкает к «чужому» католическому миру. Оно не только содействует католикам в их замыслах, но и преследует собственные цели».

Почти походя проброшены здесь очень важные идеи. Действительно ли Гоголь руководствовался в «Страшной мести» протестантским представлением о предопределении? И если да, то как и чем это мотивировано? С другой стороны, утверждение, будто бы «зло» однозначно примыкает у Гоголя к католическому миру, кажется несколько упрощенным и в свою очередь требует более подробного комментария.

3) Несколько натянутой (что на самом деле вовсе не характерно для диссертации) выглядит интерпретация финала «Вия», в которой используется известный афоризм Новалиса, нередко истолковываемый как проявление его неоязычества: «Безжизненный храм и мертвая обезображенная красота – двуединый образ, отражающий утрату высшего сакрального содержания: *«Есть только Единый храм в мире и это – человеческое тело. Нет ничего священной, чем этот высокий образ»*. Имевшее бытие стало его отрицанием, аномалией, пустотой». Очевидно, что гоголевская мысль лежит здесь совсем в иной плоскости.

4) И последнее: не могу согласиться также и с утверждением автора диссертации, будто «в романтических представлениях о Софии мало общего с концепцией Беме, у которого это учение наиболее развито». Но как быть в таком случае со «Сказкой Клингзора», словно произрастающей из бемевских построений?

Впрочем, тема эта настолько занимательна, что требует дальнейшего обсуждения.

Как, вероятно, дальнейшего изучения – но уже в свете проделанной И.А. Станичуком работы – требует и композиция цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки», повести которого совершенно отчетливо подразделяются на дневные и ночные. Причем подразделение это явно не совпадает с их печальной либо радостной характерологией. В этой же связи было бы интересно обратить внимание и на другое смежное с ночью время, а именно *вечер* со всеми его поэтическими, философскими и фольклорными импликациями. Тем более, что *вечер* отчетливо коррелирует с *рассветом*, которому в диссертации уделено как раз немалое внимание.

Возможность дальнейшего развития идей, высказанных в диссертации, наглядно демонстрирует продуктивность исследования, его актуальность и теоретическую значимость, а также его неоспоримую новизну.

Автореферат и публикации И.А. Станичука полностью отражают содержание диссертации. Диссертация «Феномен ночи в творчестве Н.В. Гоголя» соответствует п. 7 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ. И.А. Станичук безусловно достоин присвоения ему искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького,
профессор кафедры сравнительной истории литератур РГГУ

Е.Е. Дмитриева

05.06.2014.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮЩЕГО
ГЛ. СПЕЦИАЛИСТ
ИМЛИ РАН
Шаба
Н.И. ШАБАНОВА

